

РАЗДЕЛ V

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

*Олег Юрьевич ВИННИЧЕНКО —
зав. кафедрой теории
и истории государства и права
Института государства и права
Тюменского государственного университета,
доктор юридических наук, профессор
vinnichenko@jurati.ru*

УДК 342.33 (470+571)

СИСТЕМА РАЗДЕЛЕНИЯ ВЛАСТЕЙ В КОНТЕКСТЕ САМОБЫТНОСТИ РОССИЙСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ

АННОТАЦИЯ. В статье рассматривается влияние специфических черт многовекового развития российской государственности на реализацию принципа разделения властей в нашей стране.

SUMMARY. The article studies how specific characteristics of the many centuries development of Russian Statehood influence the power-division realization in our country.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА. Сильное государство, система разделения властей, доминирование исполнительной власти, системообразующая роль государства, раскол в обществе, субъективный фактор, правящий отбор.

KEY WORDS. Powerful state, the system of the separation of powers, the dominance of the executive branch, the backbone role of the state, the split of the society, subjective factor, ruling selection.

Философ Л.П. Карсавин более семидесяти лет тому назад произнес фразу, удивительно актуальную и сегодня: «Государство в таком большом и многонациональном культурном целом, как Евразия-Россия, может быть или только сильным, или совсем не быть» [1; 38].

Для российского общества проблема усиления роли государства стала актуальной в силу объективных обстоятельств и связана с необходимостью возвращения государству функций активного социального субъекта, управляющего выходом страны из кризиса, переходом к устойчивому развитию. Идея сильного государства была сформулирована в первом послании Президента России В.В. Путина Федеральному Собранию РФ, с которым он выступил в июле 2000 года. В нашей стране выражение «сильное государство» представляет собой стандарт-

ную фразу (клише), взывающую к консервативным ценностям. Это, прежде всего, авторитарное начало государственной власти, доходящее порой в народных представлениях до элементов монархического идеала.

Президент В.В. Путин понимает идею «сильного государства» по-иному. Для него это означает не призыв к возвращению в тоталитарную систему, а совершенно иные ориентиры: «Только сильное, эффективное и демократическое государство в состоянии защитить гражданские, политические, экономические свободы, способно создать условия для благополучной жизни людей и для процветания нашей родины» [2]. Трактовка В.В. Путиным темы сильного государства отличается от предыдущих моделей государственной силы в российском мышлении акцентом на закон, демократию, свободу и, конечно же, стремлением воплотить в жизнь принцип разделения властей.

Практика государственного строительства России 2000-2007 гг. свидетельствует о реализации многих аспектов из установки Президента РФ на строительство сильного государства. В результате создания федеральных округов, упорядочения отношений с субъектами федерации, укрепления системы исполнительной власти в центре и в регионах произошли существенные изменения в российской действительности по направлению к стабилизации развития общества. При этом укреплялась и сама президентская власть: назначение губернаторов президентом, усиление роли представителей президента и проч. «Конституционное регулирование деятельности президента таково, — считает теоретик права А.С. Шабуров, — что создает, по сути, четвертую (наряду с исполнительной, законодательной и судебной) ветвь власти — президентскую. Баланс властей нарушается явно в пользу президентской власти» [3; 25]. Интересно, что преподаватель международного права Практической восточной академии Н.А. Захаров (1883-1928) в своей книге «Система русской государственной власти» (1912 г.), полемизируя с Монтескье по поводу разделения властей на три ветви, выделяет четыре власти, формирующие верховную власть в России: власть судебную, власть законодательную, власть управления и власть самодержавную. На основе этой схемы автор строит идеологическую систему русского властвования. Специфику формирования русской системы власти он видел в доминирующем влиянии византийской идеи власти императора — идеи религиозного автократизма, глубоко воспринятой русскими книжниками и летописцами [4; 33-45].

В современной России при достаточно слабой связи государственных институтов с обществом возникает серьезная угроза возвращения к авторитарному началу, реализации силового метода в решении государством общественных проблем. Эти опасения основаны и еще на одном обстоятельстве. В отечественной и зарубежной юридической науке сложились устойчивые представления о необходимости сбалансированного соотношения и взаимодействия между тремя ветвями власти: законодательной, исполнительной и судебной. Настоящее положение дел весьма существенно отличается от идеала. «Именно исполнительная власть, — считает известный государствовед А.Д. Керимов, — на вершине которой находится правительство, сосредоточивает в своих руках неизмеримо большие по сравнению с другими ветвями государственной власти финансовые, материально-технические, технико-технологические, организационные, людские и иные ресурсы». Им отмечалось «неуклонно продолжающееся усиление исполнительно-распорядительных органов» как тенденция развития государственной власти общемирового масштаба [5; 57]. Представляется, что данная тенденция наиболее ярко проявила себя на протяжении всего исторического пути России и может быть отнесена к важным особенностям российской государственности. Как это можно объяснить?

Характеристики современной российской государственности являются проявлением специфических черт эволюции нашего общества, которые складывались в течение многих столетий. К ним в первую очередь можно отнести особую, системообразующую роль государства в социуме. Российским ученым Н.Я. Эйдельманом был введен в научный оборот термин «революция сверху в России» [6]. Под этим термином автор имеет в виду особую, определяющую роль государственных институтов в жизни российского общества, а также своеобразный характер проведения реформ. Как правило, в России за короткое время по инициативе государства происходили существенные изменения: коренная ломка отношений, социальных, экономических, политических структур. Революционный тип этих преобразований был обусловлен не только стремлением догнать стремительно развивающийся Запад, но и отсутствием, недостатком гибких механизмов регулирования общественного развития. Для России характерна была сверхцентрализация государственной власти, подавляющая всякое самоуправление. Недостаточность предпосылок, теории, опыта демократических преобразований компенсировались революционной инициативой государства, которая в большей степени выглядела как ситуационное поведение, своего рода «ответ» на «вызов времени». Государство-революция действовало методом проб и ошибок, определяя оптимальные формы движения. Как следствие этого — разрыв линий коммуникаций в обществе (раскол) между государственной властью и обществом, огромное отчуждение культур. Неустойчивость подобных преобразований, недостаточная гарантированность изменений, необходимость маневрирования приводят зачастую к контрреформам.

В Западной Европе социальной основой объединительных процессов был союз нового дворянства с городами, «третье сословие», которое выполняло роль объединяющей, скрепляющей силы общества. В России же опорой монарха было преимущественно служилое дворянство, которое получало земельные угодья за службу. Государство здесь вынуждено было брать на себя роль такого объединяющего фактора. При этом российский монарх не встречал препятствий для безграничного усиления своей власти. В западноевропейских странах баланс государственной власти поддерживался городским самоуправлением, судами, обуржуазившимся дворянством. Земские соборы, Боярская дума, конечно же, пытались ограничить власть русского царя. Какое-то время монарх терпел их рекомендации, так как нуждался в поддержке единомышленников, ему нужны были деньги на ведение войн. При первой возможности российский государь обрушивал террор на всех, кто был носителем хотя бы некоторой самостоятельности, свободы.

Главными субъектами преобразований были государство и реформаторская часть правящего класса, начинавшие «революцию сверху». Огромна роль государственных институтов, сверхцентрализации государственной власти в реформировании российского общества. Именно по инициативе и под руководством государства происходили эти качественные рывки, которые были основаны преимущественно на насилии, причудливом сочетании ростков капиталистических отношений с укреплением феодальных основ общественной жизни. Преобразования, идущие сверху, достигались большой ценой. Со времен Петра I неестественный для Западной Европы характер преобразований (революционно, сверху — вниз, при доминирующей роли государства, без постепенного вызревания предпосылок) для России станет явлением обычным.

В отличие от западноевропейской модели, ставившей во главу угла право как высшую социальную ценность, как всеобщий социальный регулятор, в России исторически сложилась иная цивилизационная модель общественного развития, не ориентированная ни на право, ни на личность. Здесь, как считает И. Яковенко, «в основание социальной регуляции положена иерархия, то есть власть. При этом власть осознается как онтологически истинная субстанция, проявляющая себя

как воплощенная воля. Сакральная власть также порождает право, однако оно носит чисто инструментальный характер, направлено сверху вниз, причем источник права — Власть — находится вне и над правом. В чистом виде сакрализации власти образ последней и нормы ее поведения нигде не описаны и не могут быть охвачены какой-либо сформулированной нормой» [7; 50].

Один из представителей евразийского учения Н.Н. Алексеев (1879-1964), будучи известным ученым-юристом еще дореволюционной школы, основательно подошел к анализу теоретических основ самобытности российской государственности и права. Важнейшей специфической чертой российской государственности исследователь называл раскол в обществе, который проявляется в конфликте между заимствованными на западе нововведениями и собственно российскими чертами политической жизни, в разрыве между народом и правящим слоем. Процесс вестернизации, стремление приобщиться к достижениям европейской цивилизации помимо преимуществ несет в себе и большие проблемы для европеизируемой цивилизации в целом. «В жизни нашей получилось поражающее несоответствие между юридической формой и бытом: усвоив западную юридическую форму, мы, однако, не выработали соответствующей ей техники; в то же время не вполне отрешившись от своих собственных форм, мы теряли постепенно все то положительное, что им было свойственно. Мы не развили в себе западной техники исполнения отрицательных и условных обязанностей, мы не были крепки ни в уважении к собственности, ни в исполнении договоров; но в то же время мы не развивали нашего права в сторону проникновения в него начала правообязанности и даже утратили в этом отношении многое, что было заложено в московскую эпоху» [8; 167]. Это в полной мере можно отнести к внедрению в дореволюционной России западноевропейского принципа разделения властей.

Трагический разрыв между народом и правящим классом, разрыв, который начался с петровских реформ и в дальнейшем только углублялся, был причиной «глубоких трещин в теле русского государства», причиной многочисленных примеров «русской смуты». Единое целое нации было расчленено по разным основаниям на противоположные друг другу социальные группы и классы, что сопровождалось резким усилением борьбы между ними. «Ни в одной стране Западной Европы мы не встречаемся с явлением, которое до последнего времени можно было наблюдать в России: именно, с резким разрывом между духовной жизнью высших классов и духовной жизнью широких народных масс... Если взять Россию высших классов, то она имеет свою философию государства и права. Во многих отношениях она представляет собою отражение западноевропейских течений... Однако эта философия права совершенно неизвестна русским народным массам и не оказала на их представления ровно никакого влияния. Русский народ имеет какую-то свою собственную интуицию политического мира, отличную от воззрений западных народов и в то же время не вполне сходную с воззрениями народов чисто восточных» [8; 68-69, 72]. Эти представления русского народа об идеальном государстве были связаны с идеалом «государства правды», которое могло сочетать в себе казалось бы несовместимые аспекты и понималось как православная правовая монархия, либо как диктатура, или же как казацкая вольница. Диктатура Ивана Грозного и Иосифа Сталина «удалась только потому, что она встретила поддержку среди народа, что она приобрела сторонников. В диктатуре выразилось известное народное настроение, известная стихия народных симпатий» [8; 99]. Другими словами, Н.Н. Алексеев очень верно подметил такие особенные черты ментальности россиян, как патернализм, идеализация диктатуры.

По мнению евразийцев, в условиях раскола общества, располагая обширной территорией, Российское государство может быть управляемо только при наличии

сильной вертикали власти, при централизации властных полномочий. Это — исторически сложившаяся черта российской государственности, обусловленная геополитическим фактором.

В результате анализа указанных особенностей российской государственности евразийцы приходили к выводу об особой роли субъективного фактора в эволюции российской государственности, настаивали на том, что Россия не может быть управляема иначе, как при помощи «организованного и сплоченного правящего слоя». Российско-евразийская государственность в силу географических и исторических условий, а также особенностей ментальности россиян нуждается в особом типе отбора общественно и государственно-годных для управления нашим обществом, в построении альтернатив развития. На протяжении русской истории правящий отбор существовал в четырех формах: княжеская дружина; служилый класс московских государей; дворянство императорского периода; коммунистическая партия.

Подводя итог вышесказанному, необходимо отметить, что теория разделения властей, являясь высоким достижением западноевропейской мысли, претворяется в жизнь современной России. Однако реализация ее далека от идеала, что связано с полным отрицанием марксистской теорией принципа разделения властей, а значит и практикой его применения в XX веке. Процесс внедрения положений данной теории несет на себе серьезный отпечаток самобытных черт российской государственности и нашего общества в целом. Представляется, что для эффективного использования зарубежного опыта, каким бы идеальным он ни был, необходимы существенные поправки на особенности исторического пути России и ее места среди мировых цивилизаций.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Карсавин Л.П. Основы политики и мысли о России. Тверь, 1998. С. 38.
2. Известия. 2000. 8 июля.
3. Шабуров А.С. Теоретические проблемы российской государственности и правовой системы. Курган, 2006. С. 25.
4. Захаров Н.А. Система русской государственной власти. М., 2002. С. 33,45.
5. Керимов А.Д. Государствоведение: актуальные проблемы теории. М., 2003. С. 57.
6. Эйдельман Н.Я. «Революция сверху» в России. М., 1989.
7. Яковенко И. Православие и исторические судьбы России // Общественные науки и современность. 1994. № 2. С. 50.
8. Алексеев Н.Н. Русский народ и государство. М., 2003. С. 167.

*Игорь Геннадьевич ДУДКО —
зав. кафедрой государственного
и административного права
Мордовского государственного университета
им. Н.П. Огарева (г. Саранск),
доктор юридических наук, профессор
idu2000@yandex.ru*

УДК 342.33 (470+571)

РАЗДЕЛЕНИЕ ВЛАСТЕЙ:

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ВОЗЗРЕНИЯ И РОССИЙСКАЯ ПРАКТИКА

АННОТАЦИЯ. В статье с критических позиций рассматривается современная конституционная теория и практика разделения властей; обеспечение конституционности посредством механизма государственной власти.